

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 2019 года я получил электронное письмо от некоего мистера Мартина Грея из Клактон-он-Си. Он сообщал, что в его распоряжении имеются тетради с записями его двоюродной сестры, которые, с его точки зрения, могли бы послужить основой для интересной книги. Я поблагодарил его в ответном письме, но предложил ему самому взяться за книгу. Мистер Грей возразил, что он отнюдь не писатель и что он обратился ко мне не просто так. Он видел пост в моем блоге, где я писал о Коллинзе Бретуэйте, известном в 1960-х, а ныне напрочь забытом психотерапевте. В тетрадях содержатся определенные заявления касательно Бретуэйта, и мистер Грей был уверен, что они меня заинтересуют.

Мне действительно сделалось любопытно. За пару месяцев до письма мистера Грея я случайно наткнулся на экземпляр «Антитерапии» Бретуэйта в «Вольтере и Руссо», книжном магазине в Глазго, где, как известно, всегда царит хаос. Бретуэйт был современником Р.Д. Лэйнга и считался *enfant ter-*

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

*rible*¹ антипсихиатрического движения 1960-х годов. Его книга, сборник случаев из психотерапевтической практики, показалась мне непристойной и дерзкой, ниспровергающей все устои и весьма увлекательной. Мой разгоревшийся интерес к ее автору не был удовлетворен скудными сведениями, содержащимися в интернете, и я был достаточно заинтригован, чтобы посетить архив в Даремском университете, в двадцати пяти милях к северу от Дарлингтона, родного города Бретуэйта.

Этот «архив» представлял собой пару картонных коробок, в которых хранились густо испещренные пометками рукописи книг Бретуэйта (с многочисленными рисунками на полях, неприличными, но не лишенными художественных достоинств), несколько вырезок из газет и небольшое количество писем, в основном — от издателя Бретуэйта, Эдварда Сирса, и его бывшей любовницы Зельды Огилви. Собрав по крупицам подробности удивительной жизни Бретуэйта, я задумался о написании его биографии, однако эта идея не встретила энтузиазма у моего литагента и нынешнего издателя. Кто сейчас будет читать, говорили они, о каком-то забытом, дискредитированном психотерапевте, чьи книги не переиздавались уже несколько десятилетий? Я был вынужден согласиться, что это резонный вопрос.

Именно в таких обстоятельствах началась моя переписка с мистером Греем. Я написал, что мне все же хотелось бы взглянуть на тетради, и сообщил ему мой почтовый адрес. Бандероль пришла через два

¹ Кошмарный, несносный ребенок (фр.).

ПРЕДИСЛОВИЕ

дня. Никаких условий публикации в сопроводительной записке не было. Мистер Грей не хотел никакого вознаграждения и предпочел сохранить анонимность из уважения к частной жизни своей семьи. Он признался, что Грей — ненастоящее имя. Он просит лишь об одном: если тетради мне не пригодятся, отослать их обратно. Однако он был уверен, что этого не случится, и не указал на конверте обратный адрес.

Я прочел все пять тетрадей за один день. Весь мой скептицизм растаял без следа. Автор тетрадей не только рассказывала увлекательную историю, но и сам слог изложения, вопреки ее собственному утверждению, был очень даже неплох. Несколько беспорядочное расположение материала, как мне показалось, лишь добавляло достоверности ее рассказу.

Однако спустя пару дней я пришел к мысли, что стал жертвой розыгрыша. Мистер Грей знал, чем меня соблазнить: набором случайно найденных тетрадей, где описана преступная халатность человека, чью биографию я сейчас изучаю. Но если это была мистификация, она должна была стоить мистери Грею немалых усилий. Просто сесть и заполнить пять толстых тетрадей — само по себе очень трудозатратно. Я решил провести собственную проверку. Такие тетради (обычные недорогие школьные тетрадки от «Силвин») продавались в то время на каждом углу. Записи не датированы, однако различные указания в тексте дают основания предположить, что описанные события происходили осенью 1965-го, когда Бретуэйт действительно принимал пациентов в доме

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

у Примроуз-Хилл и пребывал на пике своей славы. Страницы из «Антитерапии», вклеенные в первую тетрадь, вырезаны из первого издания, которое позже было уже не достать — из чего заключаем, что тетради и вправду могли быть написаны в середине 1960-х. Многие детали вполне соответствуют тому, что я читал в университетских архивах и газетных статьях того времени. Впрочем, это еще ничего не доказывает. Если тетради — умелая подделка, их автору было достаточно провести те же самые изыскания, которые провел я сам. В тексте также есть много неточностей. Например, упомянутый в повествовании паб называется не «Пембриджский», а «Пембрукский замок». Однако такие ошибки скорее свойственны человеку, который честно записывает свои мысли, упуская из виду какие-то мелкие подробности, чем хитроумному обманщику, создающему фальшивку. В тетрадях также содержится сцена с участием самого мистера Грея, причем там он представлен в нелестном свете. Вряд ли он стал бы писать о себе что-то подобное, если бы сочинял всю историю из головы.

Плюс к тому оставался вопрос мотивации. Я не смог придумать ни одной причины, по которой незнакомый мне человек взял на себя столько хлопот, чтобы меня обмануть. Вряд ли он имел целью дискредитировать Бретуэйта, чья карьера сама по себе завершилась позором и чье имя теперь если и упоминается в психиатрической литературе, то исключительно в сносках или примечаниях.

Я написал мистеру Грею. Сообщил, что тетради действительно интересны, но я не могу ничего предпринять, не имея убедительных доказательств

ПРЕДИСЛОВИЕ

их подлинности. Он ответил, что совершенно не представляет, какие именно доказательства он мог бы представить. Он нашел эти тетради, когда разбирал вещи в дядином доме в Мейда-Вейле. Свою двоюродную сестру он знал с детства, стиль изложения в тетрадях — общая лексика и речевые обороты — полностью соответствует ее обычной манере речи. Он мог бы поклясться, что тетради написаны именно ее рукой. Разумеется, он понимает, что это не те доказательства, которые мне нужны. Я попросил мистера Грея о личной встрече. Он отказался, вполне резонно заметив, что личная встреча все равно ничего не докажет. Если я не доверяю его *bona fides*¹, я могу просто вернуть тетради. На этот раз он указал номер почтового абонентского ящика.

Этого я, как очевидно, не сделал. Убедив себя в подлинности тетрадей, я тем не менее не могу поручиться за правдивость их содержания. Возможно, описанные события — просто фантазии молодой женщины с явными литературными амбициями; женщины, которая, по ее собственным утверждениям, пребывала в смятенном состоянии ума. Наверное, не так уж и важно, происходили ли эти события на самом деле. Как мистер Грей очень верно заметил в своем первом письме, они действительно могут послужить основой для интересной книги. Тетради попали ко мне в тот момент, когда меня увлекла биография Бретуэйта, и такое удачное совпадение можно было принять за знак свыше. Я с еще большим усердием

¹ Добросовестность, честные намерения (*лат.*).

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

принялся собирать материалы, посетил все места, так или иначе связанные с Бретуэйтом, тщательно изучил все его работы и провел несколько интервью с лично знавшими его людьми — и теперь представляю вниманию читателей слегка отредактированные тетради и результаты моих собственных изысканий.

ГМБ, апрель 2021.

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

Я решила записывать все, что сейчас происходит, потому что мне кажется, будто я подвергаю себя опасности, и если я окажусь права (что, надо признаться, случается редко), эта тетрадь послужит своего рода уликой.

К сожалению, как станет ясно практически сразу, у меня нет способностей к связному изложению. Я перечитала свою первую фразу и сама вижу, что получилось довольно убого, но если я буду возиться с красотами стиля, то, боюсь, не смогу вообще ничего написать. Мисс Лайл, моя учительница английского, всегда укоряла меня в том, что я пытаюсь втиснуть слишком много мыслей в одно предложение. Она говорила, что это признак неупорядоченного ума. «Сначала надо решить, что ты хочешь сказать, а затем выразить свою мысль максимально простыми словами». Это был ее лозунг, ее девиз — безусловно, правильный и хороший, — но я понимаю, что уже не справляюсь. Я написала, что подвергаю себя опасности, и тут же пустилась в лирические отступления, никак не относящиеся к делу. Но я не буду начинать сначала, а просто продолжу. Тут главное — смысл, а не стиль; на этих страницах я буду

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

записывать все, что со мной происходит. Слишком гладкое повествование не вызывает доверия; возможно, именно в мелких погрешностях содержится правда. В любом случае у меня все равно не получится следовать доброму совету мисс Лайл, потому что я еще не знаю, что хочу сказать. Однако ради того, кому не посчастливится прочесть эти строки, я постараюсь вести рассказ четко и ясно и выражать свои мысли максимально простыми словами.

Начну с простой констатации фактов. Упомянутая мной опасность исходит от человека по имени Коллинз Бретуэйт. В прессе его называют самым опасным человеком Британии из-за его радикальных идей относительно психиатрии. Однако я убеждена, что опасны не только его идеи. Я уверена, что доктор Бретуэйт убил мою сестру Веронику. Убил не в прямом смысле слова, и тем не менее он виноват в ее смерти, как если бы задушил ее собственными руками. Два года назад Вероника бросилась с моста над железнодорожными путями в Камдене, прямо под поезд, следовавший из Лондона в Хай-Барнет. Вряд ли можно представить себе человека, менее склонного к подобным поступкам. Ей было двадцать шесть лет. Она была умной, успешной и вполне привлекательной женщиной. Однако втайне от папы и от меня, она в течение нескольких месяцев посещала доктора Бретуэйта. Мне это известно с его собственных слов.

Задолго до личного знакомства с доктором Бретуэйтом, я знала его характерную манеру речи с тягучими долгими гласными неотесанного уроженца северных графств. Я слышала его выступления по радио и однажды видела по телевизору в дискуссионной програм-

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

ме о психиатрии с Джоан Бэйкуэлл в роли ведущей¹. Внешность Бретуэйта оказалась такой же непривлекательной, как и его голос. Он явился на передачу без галстука и пиджака, в рубашке с расстегнутым воротом. Его волосы, достававшие до воротника, были взъерошены, и он постоянно курил. У него были крупные, резкие черты лица, словно их нарочно утрировал художник-карикатурист, однако даже на телеэкране его лицо притягивало к себе взгляд. Я почти не замечала других гостей в студии. Не помню, что именно говорил Бретуэйт, но хорошо помню манеру речи. Он держался как человек, с которым лучше не спорить. Сопровождение все равно бесполезно. Он говорил строгим и чуть утомленным начальственным тоном, словно беседовал с подчиненными. Участники программы сидели полукругом, мисс Бэйкуэлл занимала место в центре. Все сидели, выпрямив спины, как в церкви, и лишь доктор Бретуэйт развалился в своем кресле, будто скучающий школьник за партой, подпер подбородок ладонью и смотрел на других гостей с этакой смесью презрения и скуки. Ближе к концу программы он неожиданно встал и ушел из студии, пробормотав неприличное

¹ Этот выпуск программы «Вечерние дебаты» (Late Night Line-Up) вышел в эфир на BBC2 в воскресенье 15 августа 1965-го. Помимо Бретуэйта в дискуссии принимали участие Энтони Сторр, Дональд Винникотт и тогдашний епископ Лондона Роберт Стопфорд. Доктор Лэйнг получил приглашение на программу, но отказался делить трибуну с Бретуэйтом. К сожалению, ни одной записи этого эфира не сохранилось, но позже Джоан Бэйкуэлл писала, что Бретуэйт был «одним из самых высокомерных и неприятных людей, которых ей не посчастливилось знать». (Примечание автора.)